

Уложив Чжао Фу спать, Цзи Фу покинул императорскую опочивальню лишь через два часа. Он подозвал своего приемного сына и велел:

— Завтра на рассвете ступай в дом ректора Линя из Академии Гоцзыцзянь. Пусть до того, как закончится утренняя аудиенция, он пришлет мне сведения о сегодняшнем студенте. О том самом, самом юном и миловидном. Передай ректору Линю, что этот слуга просит его о помощи и непременно оплатит за нее в будущем.

Слово автору:

Сосед Лао Ван: «Считается ли, что в этой главе у меня есть роль?»

Фува (указывая на четыре имени «Ван Цзыфэн»): «Конечно считается!»

Когда утренняя аудиенция завершилась, небо едва начало светлеть.

В окружении евнухов Император Кайпин Чжао Фу покинул Дворец Чуйгун и направился к Помосту Призыва Божеств, чтобы предаться медитации. На железной подставке длинным рядом выстроились неугасимые лампы. Юные слуги с величайшей осторожностью подливали в них масло, боясь, как бы не погас огонь. Внутри помещения все казалось окутанным белой кисеей занавесей, создавая ощущение неземной обители небожителей.

Проведя в медитации два часа, Чжао Фу негромко спросил:

— Который час?

Цзи Фу тут же вошел в зал. Император собирался во Дворец Циньчжэн, чтобы заняться разбором докладов, и евнух принялся помогать ему переодеться и привести себя в порядок.

— Уже час Дракона, Ваше Величество, — ответил он.

Чжао Фу небрежно хмыкнул, и слуги повели его во Дворец Циньчжэн.

В Великой Сун царил покой, страна процветала, а погода благоприятствовала урожаю. Двадцать шесть лет назад, едва взойдя на престол, Чжао Фу был крайне прилежен и вникал во все дела лично. Однако двенадцать лет назад, глубокой ночью, разбирая доклады, он внезапно лишился чувств. Очнувшись, император загорелся идеей даосизма и поисками бессмертия, отчего изрядно отдалился от государственных дел. Мелкие вопросы теперь решали шесть ведомств, а важными делами занимались Центральный секретариат и Военный совет.

Доклады, которые приносили Чжао Фу, редко превышали сотню в день.

Чжао Фу держал в руке кисть с киноварью и выводил на них: «Ознакомлен. Одобрить».

Просмотрев десятка четыре докладов, Чжао Фу прикрыл глаза и прилег на лохан-кушетку. Цзи Фу принялся осторожно разминать ему плечи. Эти двое знали друг друга более сорока лет. Понизив голос, евнух заговорил своим характерным тонким голоском:

— Ваше Величество, помните ли вы того юного студента из Академии Гоцзыцзянь?

Сквозь прикрытые веки Чжао Фу блеснул пронизательный взгляд, но он лишь лениво отозвался:

— Угу.

Цзи Фу продолжил:

— Этот слуга разузнал, что студента зовут Тан Шэнь, он родом из Гусу. Он признанный талант Академии Гоцзыцзянь, лучший в учебе.

Чжао Фу не проявил особого интереса и ничего не ответил.

Цзи Фу мысленно выругался, но его движения оставались столь же плавными, а лицо выражало крайнюю почтительность.

Сердце государя непостижимо: еще вчера вечером император желал разузнать о Тан Шэне, но стоило пройти ночи — и он потерял всякий интерес. Цзи Фу не испытывал жалости к юноше, ведь тот даже не сдал провинциальный экзамен на степень цзюйжэня, а потому не стоил его внимания. Жаль было лишь усилий: сведения, которые он специально выпрашивал у ректора Линя, теперь превратились в бесполезный хлам. Услуга потрачена впустую!

Чжао Фу поднялся, и Цзи Фу налил ему воды.

Желая хоть как-то использовать добытые сведения, Цзи Фу добавил:

— Этот слуга также прослышал, что Тан Шэнь оказался учеником господина Фу Вэя.

Лишь тогда интерес Чжао Фу пробудился. Сделав глоток чая, он вскинул на него глаза:

— Вот как?

— Именно так.

— И когда только Фу Сижу успел обзавестись новым учеником? Несколько лет назад он уверял меня, что за всю жизнь ему довольно и одного Ван Цзыфэна, а сам он уже стар и мечтает подать в отставку, чтобы вернуться в родные края.

Цзи Фу заискивающе улыбнулся:

— Должно быть, господин Фу не устоял перед истинным талантом. Этот слуга раздобыл одно стихотворение, написанное Тан Шэнем. И хоть я не обучен грамоте, даже мне оно показалось на редкость искусным. Не пожелает ли Ваше Величество послушать?

Чжао Фу с улыбкой пожурил его:

— Раз уж приготовил, читай скорее.

— Слушаюсь.

Когда Цзи Фу закончил читать экзаменационное стихотворение Тан Шэня, лицо Чжао Фу ничего не выражало. Евнух замер в неведении. Хотя он и был доверенным лицом государя, с годами мысли императора становились все более загадочными. Лишь спустя долгое время Чжао Фу аккуратно поставил чашку на столик и погладил длинную седеющую бороду:

— «Боюсь растревожить небожителей...» А этот Тан Шэнь весьма занятен.

Сказав это, он слегка улыбнулся.

Только тогда Цзи Фу вздохнул с облегчением — судя по всему, император пребывал в добром

расположении духа.

Событие, названное «Посещение императором академии Пиюн», разнеслось по всей Поднебесной и превратилось в прекрасную легенду.

Тридцать два студента Академии Гоцзыцзянь, которым император лично читал лекцию, даже месяц спустя чувствовали себя словно на седьмом небе от счастья. Ночами они просыпались от радостных снов. Тан Шэнь, впрочем, не придавал этому особого значения. Мэй Шэнцзэ все это время терзался страхом, что дерзкие слова Тан Шэня о «дружбе благородных мужей» навлекут на них гнев государя. Однако прошел месяц после посещения императором академии Пиюн, а государь так никак и не отреагировал, будто и вовсе позабыл о троих представших перед ним учениках.

Мэй Шэнцзэ испытывал одновременно облегчение и сожаление:

— Цзинцзэ, похоже, мы так и не сумели ухватиться за эту возможность.

Тан Шэнь ответил:

— С твоими познаниями и способностями, брат Шэнцзэ, ты непременно прославишься на Весеннем экзамене в будущем году. Когда дойдет до дворцового экзамена и ты вновь предстанешь пред ясные очи государя, он, возможно, вспомнит, что когда-то лично назвал тебя «опорой государства».

Мэй Шэнцзэ рассмеялся:

— Твоими бы устами да мед пить. А сам ты как подготовился к Осеннему экзамену в следующем месяце?

Лицо Тан Шэня тут же скривилось в мученической гримасе:

— Брат Шэнцзэ, умоляю, не бери рану, если мы все еще друзья.

— Ха-ха-ха! Глупцом я буду, если поверю басням Тан Цзинцзэ!

Тан Шэнь лишь невинно захлопал глазами.

Дни становились прохладнее — приближался Осенний экзамен, проводимый раз в три года.

В середине седьмого месяца Тан Шэнь зарегистрировался в Академии Гоцзыцзянь для участия в Осеннем экзамене. Большинство здешних студентов уже имели степень цзюйжэня, и лишь трое или четверо оставались в звании сюэя. Начало провинциального экзамена было назначено на восьмой день восьмого месяца. Четвертого числа Тан Шэнь отпросился из Академии Гоцзыцзянь, чтобы повторить пройденное дома. Но покинув стены академии, он поехал не домой, а сразу направился в Поместье Фу.

Мальчик-чтец повел Тан Шэня в кабинет Фу Вэя. По дороге он спросил:

— Молодой господин Тан, вы ведь идете сдавать провинциальный экзамен?

— Да, так и есть, — с легким вздохом ответил Тан Шэнь.

— Желаю молодому господину увидеть свое имя в золотом списке! — с улыбкой пожелал мальчик-чтец.

— Твоими бы устами, — отозвался Тан Шэнь.

Войдя в кабинет, Тан Шэнь увидел Фу Вэя, который стоял перед просторным письменным столом из красного дерева и увлеченно писал кистью. Взгляд Тан Шэня скользнул к стоявшему поодаль Ван Чжэню. Юноша на мгновение замер, после чего поприветствовал его:

— Старший брат Цзыфэн.

Дождавшись ответного кивка, он обратился к Фу Вэю:

— Учитель.

Фу Вэй ненадолго оторвался от работы и поднял голову:

— Цзинцзэ, иди скорее сюда, посмотри, какую картину я для тебя написал.

Тан Шэнь подошел поближе.

Фу Вэй изобразил восход солнца над горами: вздымающиеся зеленые хребты, раскидистые сосны и алое светило, вырывающееся из-за вершин и заливающее мир золотыми лучами. До этого Тан Шэнь видел лишь картины из коллекции своего научного руководителя в прошлой жизни да собрание Лян Суна в нынешней. Поэтому, когда два года назад на Праздник Двойной Девятки он увидел «Хризантему у восточного окна» кисти Фу Вэя, она показалась ему превосходной, хотя Лян Сун и отзывался о мастерстве Фу Вэя как о весьма посредственном.

Однако теперь Тан Шэнь каждый день бывал в доме Ван Чжэня, повидал немало шедевров из его личной коллекции и не раз растирал тушь, пока старший брат писал свои картины.

И взглянув на работу Фу Вэя свежим глазом...

Фу Вэй с воодушевлением достал печать и оставил в углу оттиск со своим прозвищем «Хозяин Кабинета Малых Искусств».

— Ну что, Цзинцзэ, как тебе картина твоего учителя? — спросил он.

Тан Шэнь ответил с искренним воодушевлением:

— Величественно и мощно! Воистину выдающийся труд!

— Давно я не брался за кисть, а сегодня написал все на одном дыхании. Какое облегчение! — восторженно вздохнул Фу Вэй. — Ну-ка, Цзыфэн, оцени и ты. — Но тут же махнул рукой: — А, ладно, что ты там оценишь! Лучше сложи к ней стихи да выведи надпись!

Ван Чжэнь утонченно улыбнулся:

— Не смею ослушаться воли учителя.

Придерживая рукав халата, Ван Чжэнь снял с подставки кисть из козьей шерсти. Тан Шэнь по привычке взял брусок туши и принялся растирать ее. Ван Чжэнь поднял на него взгляд. Тан Шэнь не сразу понял, что сделал это неосознанно — ведь в Резиденции министра он поступал так постоянно.

В глазах Ван Чжэня мелькнула мягкая улыбка, и он негромко произнес:

— Благодарю, младший брат.

Затем он обмакнул кисть в тушь и вывел каллиграфическую надпись в левом верхнем углу свитка с изображением восходящего солнца.

— «Пять великих вершин восстают из туманного марева, трехлапый ворон садится на ветви шелковицы. Был некогда путник, забывший о времени, что, опершись о дерево, вопрошал правителя Шан...» — прочитал Фу Вэй. — Стихи недурны, а вот почерк посредственный. Только испортил мне такую картину.

Тан Шэнь промолчал.

Ван Чжэнь отложил кисть и с мягкой улыбкой ответил:

— Учитель совершенно прав.

Фу Вэй, отличавшийся изрядным простодушием и невозмутимостью, даже не подумал спорить, приняв согласие ученика как должное. Когда тушь подсохла, он велел мальчику-чтецу свернуть свиток и отдать Тан Шэню.

— Через несколько дней тебе предстоит войти в экзаменационные палаты. Твой учитель дарит тебе этот свиток с восходящим солнцем. Пусть твоя звезда взойдет так же высоко, и да увидишь ты свое имя в золотом списке.

Ван Чжэнь тоже посмотрел на Тан Шэня:

— Желаю увидеть твоё имя в Лавровом списке.

Тан Шэнь почувствовал себя польщенным и смущенным. Вся его былая уверенность вмиг испарилась, уступив место невероятному грузу ответственности.

<http://bllate.org/book/18292/1754507>